

Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» К.И. Бринев

К.И. Бринев

Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа»

<http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-96>

Судебная лингвистическая экспертиза – относительно молодая отрасль экспертных исследований, однако в настоящее время в рамках конкретных экспертных исследований накоплен достаточно обширный фактический материал, который позволяет оценить основные тенденции развития этого вида судебных экспертиз. Несмотря на множество положительных тенденций в развитии судебной лингвистической экспертизы (разработка отдельных методических рекомендаций в рамках конкретных категорий дел, расширение границ использования лингвистических знаний в следствии, дознании и суде и т.п.), в настоящее время остается слабо развитым описательный (=дескриптивный) уровень лингвистических экспертиз. Известно, что привлечение лиц, обладающих специальными познаниями в области науки, искусства или ремесла, осуществляется с целью установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела или, другими словами, фактов, которые необходимо установить с целью квалификации наличия / отсутствия состава правонарушения или необходимых для разрешения гражданско-правового спора. В практике судебных лингвистических экспертиз в настоящее время, на наш взгляд, заметно ослаблен уровень установления фактов – того, что имело место в конкретное время и при конкретных обстоятельствах. Это обусловлено двумя факторами: доминированием эссенциалистского теоретического подхода к лингвистической экспертизе и смешением при производстве лингвистической экспертизы фактов и решений, последнее в свою очередь влечет выход лингвиста за пределы своей компетенции в сферу права, в которой он не является специалистом. В статье обсуждаются две обозначенные теоретические презумпции на примере экспертных задач по делам об экстремизме, а также предложены альтернативные теоретические основания для производства судебных лингвистических экспертиз.

Эссенциализм / номинализм. В настоящее время в практике производства лингвистических экспертиз доминирует так называемый эссенциалистский подход (применительно к оскорблению эссенциалистский подход описан <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-44>), которому мы противопоставляем номиналистский подход. Рассмотрим их различия. Первая черта номиналистского подхода к лингвистической экспертизе, которая отличает этот подход от эссенциалистского подхода, заключается в том, что в рамках данного подхода отрицается значимость проблемы определения терминов. Согласно концепции номинализма [Поппер, 1993] вопросы вида «Что такое?» («Что такое оскорбление?», «Что такое неприличная форма?», «Что такое призыв?») не имеют серьезного научного и экспертного значения. При традиционном экспертном подходе, основывающемся на концепции лингвистического эссенциализма, предполагается, что для того, чтобы решить конкретную экспертную задачу необходимо ясно и точно определить понятия, при помощи которых решается данная задача. Так, только зная, что такое оскорбление или экстремизм, лингвист, проводя экспертизу способен квалифицировать речевое поведение говорящего как оскорбление или как экстремистский текст. При номиналистском подходе, напротив, утверждается, что стремление определить все термины теории не способно решить описательные проблемы, которые возникают в лингвистической экспертологии, и, более того, ведет к так называемому регрессу в бесконечность. Так, например, определяя слово «неприличный» в определяющем суждении при имени «оскорбление», мы способны получить следующий текст: «Оскорбление – это умаление чести и достоинства лица, выраженное в противоречащей нормам морали форме». Видно, что вместо одного слова «неприличный» в результате определения мы имеем три новых слова («противоречащий», «норма», «мораль»), которые могут также потребовать своего определения, но и те слова, которые могут быть введены для объяснения данных трех слов, также могут нуждаться в определении, и так до бесконечности. Отсюда номиналистский подход развивает положение о том, что необходимые теоретические термины всегда неопределимы, они являются исходными для теории и основное требование, которое может быть к ним применено, это требование ясности (каким неопределенным бы оно ни казалось). Эссенциалистский характер теории определений наиболее ярко проявляет себя в концепции правильных (=истинных) определений. Согласно этой

концепции все определения, которые могут быть даны тому или иному термину, можно разделить на правильные или неправильные. Вероятно, что в основе этой концепции лежит эссенциалистская теория сущности явления (поэтому есть определения, которые более близки к тому, чтобы отразить сущность явления и которые плохо отражают эту сущность), на описании которой мы остановимся ниже. С номиналистской точки зрения определения не могут быть правильными или неправильными, само действие «определять» сводится (или должно сводиться?) к установлению конвенции об употреблении слов, а точнее к установлению эквивалентности левой и правой частей определения, и в этом смысле определение не может быть неправильным по определению. Так, если мы определили пропозицию как предикат с незаполненными позициями собственных имен, мы просто установили, что левая часть определения, которая выражается словом «пропозиция» будет эквивалентной правой его части, которая заключена в выражении «предикат с незаполненными позициями собственных имен». Этим определением мы принимаем на себя обязательство употреблять в нашем тексте эти выражение как эквивалентные и не более того, добавим только, что даем мы определение в коммуникативных целях: для того, чтобы тот, кто будет читать наш текст, понимал, о чем говорится в этом тексте. Естественно, что есть уже сложившиеся конвенции, и нетрадиционное употребление того или иного термина может затруднять понимание, но эта ситуация техническая и не имеет никакой гносеологической ценности, которую (ценность), по-видимому, все-таки склонны видеть в определениях представители лингвистического эссенциализма.

Вторая черта номиналистской методологии связана с отрицанием того, что в эссенциалистской методологии называется сущностью вещи. Согласно номиналистской интерпретации категория сущности вещи либо ничего не добавляет к эмпирическим закономерностям, которые выявлены в науке, либо носит авторитарный характер. Так, распространено мнение, что сущность вещи – это то, без чего она не существует, тогда согласно концепции методологического номинализма имеет место эмпирический закон, имеющий форму «Для всех X, верно Y». Например, предположим, что сущностью оскорбления является определенная интонация, когда нет соответствующей интонации, говорящий, употребляя те же самые слова, не оскорбляет, но хвалит собеседника. Тогда имеется эмпирическая закономерность «Для всех высказываний вида X, если имеется интонация Y, то говорящий пытается оскорбить собеседника, и если отсутствует интонация Y, то говорящий хвалит собеседника». Категория сущности синонимична в данном случае выражению «Для всех X» и ничего не добавляет к выявленной эмпирической закономерности.

Другой подход к сущности, восходит к философии сущности Платона и Аристотеля и связан с поиском главного свойства или признака вещи или явления. Понимаемая таким образом сущность не может быть обоснована эмпирически, но обосновывается авторитарно либо конвенционально. Из ситуаций а) говорящий не хотел оскорбить, а слушающий оскорбился, б) говорящий хотел оскорбить, а слушающий не оскорбился и в) говорящий хотел оскорбить и слушающий оскорбился невозможно эмпирически вывести, какова сущность оскорбления, любое решение данной проблемы будет носить авторитарный либо конвенциональный характер, в итоге оно носит словесный характер: решается какую совокупность фактов можно называть словом оскорбление.

Дуализм фактов и решений. Необходимость рассмотрения названной методологической оппозиции обусловлена концепцией «юридического факта»¹, которая существует в настоящее время в лингвистической экспертологии. Эту концепцию кратко можно охарактеризовать следующим образом: существуют лингвистические и юридические факты, и может быть так, что юридические и лингвистические факты находятся в противоречии друг с другом.

Развитие эта концепция получает в теории противопоставления точек зрения на языко-речевое явление: признается, что имеются юридическая и лингвистическая точки зрения на спорное речевое произведение, и они порой могут быть взаимоисключающими². Так, например, нам известен взгляд, что с лингвистической точки зрения мнение может так же порочить, как и утверждение о факте (известно, что порочащими согласно юридическим нормам могут быть утверждения о фактах). Подчеркивание того, что дела могут обстоять иным образом, нежели описано в юридических нормах, имеет целью, по нашему мнению, и указание на то, что юристы в каком-то смысле неправы, а также на то, что лингвистическая точка зрения на порочащие сведения не совпадает с юридической. Думаем, вполне вероятно, что предполагается, что этот вопрос может быть решен в аспекте истинно / ложно (или юристы высказывают ложь или ее высказывают лингвисты), а может быть и в аспекте все правы со своих точек зрения (так называемый субъективистский плюрализм). В такой постановке вопроса, по нашему мнению, слились и теория определений с акцентом на сущность вещи, и монистская теория фактов и решений (теория, которая не различает факты и решения, точнее, считает решения фактами). Рассмотрим более подробно данную ситуацию с этой стороны. Когда лингвисты начинают

подобным образом критиковать юридическую «концепцию» порочащих сведений, то неявно они имеют в виду дескриптивную теорию, согласно которой возможна следующая ситуация: «Некто высказал свое негативное мнение или отношение к X-у и это имело социальный резонанс: личность X-а в социуме начала оцениваться негативно». Безусловно, это фактитивная ситуация, она, конечно, выражена неудовлетворительно, но для рассмотрения настоящей проблемы это не совсем важно. Более важно то, что когда с этих позиций лингвист пытается критиковать юридическую «концепцию» порочащих сведений, то он относится к следующему выражению «не соответствующие действительности сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, незтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота» как к дескриптивной теории, а не к конвенциональному определению, как к описанию, а не как к решению. Вероятно, в данном случае исследователи склонны полагать, что в данной норме сформулирован дескриптивный закон, который может быть сформулирован следующим образом: «Невозможна такая ситуация, когда некто высказал мнение и это имело социальный резонанс: личность X-а в социуме начала оцениваться негативно»³. Мы опускаем в данном случае описание ситуации, когда затем возникает вопрос о том, что же такое на самом деле «порочащие сведения», почему эти вопросы несущественны и носят исключительно словесный характер, думаем, можно вполне уяснить из предыдущего изложения, сейчас же отметим, что отношение к конвенциям-решениям как к фактам ведет в лучшем случае к появлению непродуктивных проблем словесного характера. Целью правовой нормы не является дескриптивное описание какого-то явления (экстремизм, оскорбление и т.п.), но конвенция (=решение) о линиях поведения относительно каких-либо фактов. Таким образом, слово «угроза» в праве замещает следующую совокупность фактов: X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того собирался ли X привести угрозу в исполнение и содержит решение «Эта совокупность фактов является недопустимой». Таким образом, X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того собирался ли X привести угрозу в исполнение не является истинным или неистинным определением угрозы, не является сущностью угрозы с юридической точки зрения, а является решением о том, какая совокупность фактов будет запрещена правовой нормой, а какая допустимой. Так как это решение, и оно не может быть истинным или ложным, то у нас появляется возможность произвольного выбора фактов, которые могут быть запрещены или разрешены, так, возможна переформулировка этой нормы, когда недопустимой будет ситуация, когда X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и X собирался привести угрозу в исполнение, вполне возможна и ситуация, которая покажется абсурдной⁴: мы можем считать недопустимой следующую комбинацию фактов: X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и только тогда, когда X не собирался привести угрозу в исполнение⁵. Ничего кроме решения в описанной ситуации нет, еще раз подчеркнем, что это не поиск истинного определения слова угроза, к истинности эта ситуация не имеет практически никакого отношения.

Из сказанного, по нашему мнению, вытекает одно важное следствие: правовая норма – это решение о линиях поведения, но не указание на истинные или неистинные явления, а формулировка того, какие совокупности фактов будут считаться запрещенными, а какие разрешенными. Таким образом, противопоставление юридического или лингвистического проходит не в аспекте истина / ложь, но в аспекте решение и факт. Когда судья или следователь назначает экспертизу, то целью данного процессуального действия является установление фактов, которые согласно правовой норме необходимо выявить, чтобы принять легитимное решение.

Вопрос о сущности экстремизма. Проблема сущности экстремизма, насколько нам известно, занимает центральное место в юридических и лингвистических работах, посвященных данной тематике. Предполагается, что разнообразие действий, которые способны обозначаться словом «экстремизм» объединены некоей скрытой сущностью, то есть разделяют эту скрытую сущность, а потому являются экстремистскими. Отсюда встает проблема открытия этой сущности, так как без открытия таковой невозможно будет определить в каждом конкретном случае, являются ли конкретные действия экстремистскими или нет (что, естественно, может привести к ошибкам в правоприменении, например, к осуждению невиновного). Отсюда в анализируемых работах централен вопрос о том, что такое экстремизм. Эссенциалистский вопрос «Что такое?», как мы уже отмечали, сдвигает внимание исследователя к левой стороне определения, что предполагает, что слово «экстремизм» – это имя сущности, которую необходимо выяснить (и здесь может актуализироваться вопрос: В чем сущность экстремизма?), при этом полагается, что можно дать

более истинное определение экстремизма, большая или меньшая истинность которого будет зависеть от качества постижения скрытой сущности экстремизма.

С точки зрения номиналистской методологии и теории, признающей дуализм фактов и решений, теоретические принципы, описанные выше, не могут быть признанными удовлетворительными. Во-первых, с номиналистской точки зрения вопрос о том, что такое экстремизм, является чисто словесным вопросом, вопросом о прикреплении ярлыков к описательным утверждениям (то есть утверждениям о фактах). Например, предположим, установлено, что совершено убийство и оно совершено по мотивам расовой или религиозной нетерпимости, вопрос о том, является ли это действие экстремистским или нет, не является дескриптивным вопросом, но является словесным. Его можно переформулировать следующим образом: «Будем ли мы называть все противоправные деяния, совершенные по мотивам расовой или религиозной нетерпимости словом «экстремизм»?». С дескриптивной точки зрения слово «экстремизм» пусто, так как вводится для сокращенного представления конъюнкции (логического объединения) следующих дескриптивных пропозициональных функций «x – противоправное деяние» и «x – включало в себя мотив расовой, религиозной и т.п. нетерпимости». Левая и правая части этой конструкции полностью эквивалентны и способны заменять друг друга в любых контекстах, при таком подходе слово «экстремизм» всегда может быть опущено, и мы можем оперировать только правой стороной определения.

Однако проблема определения терминов «экстремизм» и «экстремистская деятельность» все же имеет определенное значение, так как помимо описательного компонента имеет и директивный или деонтический аспект. Данные предикаты содержат оператор «запрещено», а потому, действительно, в целях правоприменения необходимо знать, какие действия запрещены. Сразу однако отметим, что эта проблема не имеет дескриптивного значения (как это признается при эссенциалистском подходе), но представляет собой проблему решения. Кратко ее можно представить следующим образом: даны события X, Y, Z, встает вопрос, какие из имеющихся событий мы будем запрещать под угрозой наказания, а какие будем считать допустимыми. Именно отсюда встает проблема разграничения правомерных и неправомерных способов поведения, проблема баланса свободы слова, взглядов, убеждений и злоупотребления этой свободой при котором (злоупотреблении) ущемляются свободы других лиц.

Еще раз подчеркнем, что данная проблема не имеет дескриптивного значения, она не связана с установлением или определением истинного экстремизма, потому как истинного экстремизма не существует, экстремизм это решение о том, какие действия мы будем считать недопустимыми. Таким образом, определение понятия экстремизм или экстремистская деятельность является проблемой решения, но не проблемой факта. Мы можем произвольно решать эту проблему, так, например, мы можем причислить к экстремизму только формы поведения, которые включают в себя насилие и исключить из УК статью 280. Например, в работе А.В. Павлинова со ссылкой на данные Е. Добрыниной приводится интересный факт: «Парадоксально, но факт: россияне не хотят зачислять в ранг экстремизма деятельность оппозиционных партий и движений, даже если те призывают к свержению существующего в России строя» [Павлинов]. Можно, учитывая этот факт, ставить вопрос в эссенциалистском ключе и решать проблему, является ли деятельность оппозиционных партий и движений, если те призывают к свержению существующего в России строя, экстремистской деятельностью, но при этом, по нашему мнению, необходимо понимать, что эта проблема не имеет описательного характера, она никак не связана с ответом на вопрос о сущности экстремизма и предложение «деятельность оппозиционных партий и движений, если те призывают к свержению существующего в России строя, является экстремистской деятельностью» не является ни истинным, ни ложным, так как представляет собой решение об оценке фактов с точки зрения допустимости / недопустимости; с точки зрения обыденного сознания данные действия вполне допустимы, тогда как с точки зрения российского законодательства они запрещены (ст. 280 УК РФ, Федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности). Вопрос, который достаточно часто ставится в эссенциалистской методологии: «Являются ли действия на самом деле экстремистскими?» при таком подходе трансформируется в неосмысленный, по нашему мнению, вопрос «Являются ли данные действия на самом деле допустимыми?». Допускать или не допускать действия – это решение, и, если принято решение не допускать эти действия, то они являются «на самом деле» недопустимыми, если же относительно этих действий еще не принято решение, то его еще предстоит принять, и в этом аспекте, очевидно, что эти действия не имеют отношение к истине, тем более, к истинному пониманию или определению экстремизма (слово «экстремизм» можно понимать по-разному, и не существует его истинного или правильного понимания).

Социальная группа. Норма 282 УК предусматривает ответственность и за разжигание социальной ненависти и вражды. Пожалуй, эта часть нормы относится к наиболее обсуждаемой и критикуемой как в экспертном сообществе, так и за его пределами.

Обсуждается, как правило, нечеткость и неопределенность понятия «социальная группа», при этом предполагается, что уточнение этого термина способно разрешить как проблемные вопросы, связанные с производством лингвистической экспертизы, так и проблемы, связанные с правоприменением. Тогда как относительно правоприменения в каком-то смысле эти предположения справедливы, хотя и ложны, к проблемам производства лингвистической экспертизы они не имеют никакого отношения.

Пожалуй, на примере проблемы «социальная группа» можно ясно проиллюстрировать неэффективность эссенциалистских построений как при производстве любого рода экспертиз (мы предполагаем, что все гуманитарные экспертизы так или иначе проводят принцип эссенциализма), так и в правоприменительной практике.

Для ясности разделим эту проблему на две. Первая проблема, условно – дескриптивная – связана с тем, что в экспертных заключениях предполагается, что вопрос типа: «Являются ли милиционеры социальной группой?» разрешим эмпирически, и эксперт, когда выполняет заключение при ответе на это вопрос, устанавливает именно факт, что такое-то (произвольное) объединение лиц представляет / не представляет собой социальную группу.

Насколько нам известно, для решения данной проблемы, как правило, привлекают специалиста-социолога. Например: «Ну а в Тюмени судят преподавателя Тюменского государственного университета кандидата филологических наук Андрея Кутузова, обвиняя его в авторстве листовки «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!», якобы распространенной на митинге в октябре 2009 года против нарушения прав граждан сотрудниками центров «Э» (центры по противодействию экстремизму. — Б. В.). Эксперт-криминалист УФСБ по Свердловской области Светлана Мочалова признала в своем заключении, что милиционеры являются «социальной группой», ненависть к которой разжигается данной листовкой.

По ходатайству защиты к делу было приобщено социологическое исследование специалистов из Нижегородского государственного университета, которое полностью опрокидывает утверждения государственного эксперта. Доктор социологических наук профессор Владимир Козырьков, кандидат политических наук доцент Дмитрий Зернов и ассистент Роман Сундуков пришли к однозначному выводу: ни сотрудники милиции, ни «менты», ни сотрудники департамента по противодействию экстремизму МВД РФ, ни сотрудники Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Тюменской области, ни бывшие сотрудники УБОПа «не являются социальной группой ни в целом, ни в отдельности». И следовательно, в отношении них не может разжигаться «социальная роль» (источник <http://www.forensicsciences.ru/news.aspx?nId=7641313>).

Однако выражение «Социальная группа – это объединение лиц любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями» не является утверждением о факте, но представляет собой определение, левая часть которого не имеет никакого значения. Особенно это понятно на фоне возможных иных или непохожих определений словосочетания «социальная группа». Возьмем, например, другое определение и сравним его с первым:

1. «Социальная группа – это объединение лиц, любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями»
2. Социальная группа — это объединение людей, основанное на их общем участии в некоторой деятельности, связанное системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.

Эти два утверждения при их небольшом (может быть, кому-то оно может показаться значительным) отличии относительно утверждений о фактах являются высказываниями о существовании. Таким образом, эти определения могут быть трансформированы в следующие высказывания, которые, несмотря на их неопределенность, вероятно, истинны.

В первом случае мы имеем: Существуют объединения лиц, относительно устойчивые совокупности людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями»

Во втором: Существуют объединения людей, основанные на их общем участии в некоторой деятельности, связанные системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.

Из этих двух высказываний нельзя в логическом и эмпирическом отношении вывести ни одного значимого высказывания, кроме тавтологических, тех, которые будут основаны на синонимических преобразованиях каких-либо компонентов этих высказываний. То есть мы можем, конечно, заменять слово «человек» описательным обозначением «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда», но вряд ли это увеличит информацию, которая заключена в данных высказываниях. Однако именно этот тип высказываний фигурирует в экспертных заключениях. Добавим, что проблемами, которые обладают эмпирическим содержанием, будут очевидно являться следующие: «Что происходит с социальными группами в значении 1 и в значении 2»? И когда мы выясним, например, что любая группа, объединенная исключительно общими интересами, но не имеющая никаких других регуляторов, обязательно распадается через три недели, то мы получили описание того, что имеет место в реальности, не зависимо от того, как эта реальность называется.

Левая часть определений, которая представлена словосочетанием «социальная группа», не имеет для фактической стороны дела никакого значения, левая часть с точки зрения номинализма – это ответ на вопрос: Как мы будем называть любую относительно устойчивую совокупность людей?, тогда как предполагается, скорее, что правая часть это ответ на вопрос: Что такое социальная группа? Еще раз отметим, что это типичный эссенциалистский вопрос, который не имеет эмпирического содержания.

Если мы начнем сравнивать два определения в аспекте правильности (Какое из определений более правильно?), то мы будем, очевидно, решать вопрос о том, какая из ситуаций заслуживает названия «социальная группа». Мы сомневаемся в продуктивности этого вопроса относительно установления фактов, значимых для разрешения дела по существу, на наш взгляд, словесные вопросы наподобие «Что назвать столом?» не могут привести ни к какому результату, так как все в каком-то смысле можно назвать столом.

Удовлетворительный экспертный результат может быть достигнут и без разрешения вопроса Что есть социальная группа? (в каком-то смысле желательно опускать такие словосочетания из заключения и мы бы даже рекомендовали это делать в качестве методического приема, приема, который способен указать на эмпиричность / неэмпиричность нашего описания), но только при указании на то, что в тексте содержится такая-то информация относительно группы лиц, объединенных по такому-то признаку⁸.

При разрешении же вопроса о том, что такое социальная группа мы «сдвигаем» проблему не в сторону установления фактов, а в сторону содержания словосочетания «социальная группа», другими словами в сторону толкования конкретной нормы. При таком подходе эксперт неизбежно осуществляет юридическую квалификацию фактов в том смысле, что предикат «быть социальной группой» становится основой принятия юридического решения. Если милиционеры социальная группа и относительно них сказано «Убивай!», то совершено преступление по статье 282, если милиционеры не социальная группа, и относительно них сказано «Убивай!», то преступления по статье 282 нет. Таким образом эксперт начинает решать проблемы толкования права, которые имеют правоприменительные последствия.

В начале статьи мы отметили, что, несмотря на то, что проблема определения может в каком-то смысле играть значение для этой деятельности (нам необходимо знать, какие ситуации запрещены, а какие разрешены правовой нормой), но эту проблему принципиально не решить особенно определением терминов (на наш взгляд, теория согласно которой толкование права – это толкование терминов, должна быть отброшена как в эмпирическом смысле (хотя, бесспорно, что в этом аспекте нужны еще исследования), так – особенно! - и в деонтическом (ценностном) ее смысле).

Начнем со следующего вопроса: «Почему социологи решили, что словосочетание «социальная группа» надо толковать, как это принято в социологии?» Слово «надо» в данном случае ключевое,

так как встает вопрос: «Кому надо и зачем надо?» Постановка этого вопроса имеет целью показать, что его решение не зависит от фактов, оно зависит исключительно от ценностей. Так, если мы примем норму или издадим закон, в котором будет сформулировано предписание, что ярлык «социальный» во всех нормативно-правовых актах Российской Федерации должно толковаться в социологическом смысле, причем именно так, как он прикрепляется в социологической теории условного академика X, то тогда слово «надо» приобретает какие-то основания, до такого предписания данные толкования будут оставаться достаточно произвольными. Единственный аргумент, согласно которому именно это толкование повысит объективность и легитимность юридических решений может быть отброшено в силу того, что было сказано выше относительно разграничения словесных вопросов (вопросов об этикетах) и вопросов о фактах.

Однако в случае правоприменения и толкования возникает одна действительно важная проблема, которая связана с юридической квалификацией, но подчеркнем, эта проблема не эмпирическая, она не связана с описанием фактов, это проблема решений. Возникает она в силу того, что естественный язык обладает своим уровнем точности и в каком-то смысле принципиально не может описать все возможные ситуации. В силу этой неточности и неопределенности в праве, мы предполагаем, всегда будут возникать ситуации, которые можно сформулировать в вопросе: «А урегулирована ли эта ситуация существующими нормами?».

Приведем воображаемый пример. Кто-то распространяет листовки с призывом убивать всех, кто имеет светлые волосы. Очевидно, что к данному признаку нельзя прикрепить ярлык «социальный признак», не подпадает это признак и под расовые, национальные, религиозные и др. ярлыки. Естественно встает вопрос, какое решение принять в данном случае? Отметим еще раз, этот вопрос правовой, это вопрос решений, а не фактов, так как фактически просто имеет место ситуация «некто призывает убивать всех, у кого светлые волосы». Однако добавим, что это признак хорошо выделим (равно как и признак «быть милиционером») и можно, как это делали в Варфоломеевскую ночь, как-то пометить, например, крестами все квартиры светловолосых.

Возможны различные варианты решения этой ситуации, можно, например, сказать, что так как ситуация «дискриминации по цвету волос» не урегулирована нашим правом, то в данном случае не имело место преступление, так как преступление – это виновное противоправное деяние, предусмотренное настоящим (тем, который в настоящее время действует) кодексом, можно также просто сомневаться в урегулированности и трактовать эти сомнения как неразрешимые сомнения в пользу обвиняемого. После этого также можно изменить саму норму, так как очевидно, что дискриминация в данном случае присутствует. Можно ждать пока светловолосые учредят общество светловолосых со своими целями и интересами и станут социальной группой в социологическом или еще каком-то смысле этого слова. Однако это не имеет никакого отношения к производству экспертизы.

1 В правоведении словосочетанием «юридический факт» обозначают «факты, с которыми закон прямо связывает возникновение, изменение, прекращение правоотношений» [Венгеров, 2000, с. 407]. Выделяют такие юридические факты, как события и действия, последние могут быть правомерными или неправомерными. То, что описывается в настоящем разделе, не имеет отношение к значению словосочетания «юридический факт» в теории права.

2 Наиболее отчетливо и ясно противопоставление юридической и лингвистической точек зрения получило в разработках оскорбления.

3 Весьма интересно, как сами юристы относятся к своим нормам, как к конвенциям о линиях поведения (= решениям) или как к высказываниям, в которых утверждается истина. Мы склонны полагать, что второе имеет место, на это указывает отношение к решениям как к истинным решениям, а также серьезное обсуждение вопросов, связанных с сущностью права, таким образом, и юристы могут не различать решения и факты. Если это так, то вполне возможен спор по поводу истинной концепции порочащих сведений между воображаемым лингвистом и воображаемым юристом.

4 Нормы могут быть противоречивыми см. об этом: Вригт, Г.Х. фон Нормы, истина и логика / Г.Х. фон Вригт // Логико-философские исследования. Избранные труды. – М., 1986.

5 Вернемся еще раз к эссенциалистской теории определений. Может встать вопрос: какое из определений угрозы более правильно или более истинно или более сущностно: А) X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того собирался ли X привести угрозу в исполнение; Б) X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и X собирался привести угрозу в исполнение? Что кроме прикрепления ярлыка «угроза» к описаниям по буквам А и Б мы получаем на выходе при решении данной проблемы? Думаем однако, вопрос о том будет ли угрозой то, что описано под буквой А или под буквой Б, многие признали бы ценным.

6 Павлинов А.В. Какие нужны экспертизы для противодействия современному экстремизму в России // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

7 Если оставить за этим вопросом его эссенциалистский смысл, то мы приходим к монизму в области фактов и норм (решений), к платоновской теории блага, которое имеет сущность и может быть истинным или неистинным, а далее к авторитаризму, который базируется на категориях истинной справедливости или истинного блага, а через авторитаризм к нетерпимости и, более того, к экстремизму в одном из значений слова «экстремизм».

8 Правда, при таком подходе встает вопрос о необходимости проведения лингвистической и социологической экспертизы в том смысле, что из «нетривиального» (=бессодержательного) вопроса о том, являются ли милиционеры социальной группой, остается тривиальное утверждение, что милиционеры в тексте называются ментами.